

Зона открыла шлагбаум

Для туристов это направление стало доступным совсем недавно. Полесский государственный экологический заповедник выступил в роли своеобразного туроператора, ведь без его разрешения, транспорта и сопровождающих вояж невозможен. Самостоятельно пройти через КПП никто не имеет права.

Тут уже приняли несколько тысяч путешественников. В украинской зоне отчуждения показатели куда весомее — 100 тысяч посещений за год. Наши взялись за дело позже украинских коллег. Есть свои плюсы и минусы у такого промедления. Жаль, потеряли хороший рекламный момент, который преподнёс известный сериал по чернобыльской тематике. Украинская сторона в итоге и приняла на себя весь тот вызванный фильмом «бум». Однако многие их гости во время визита узнавали, что часть заражённой территории находится в Беларуси. Когда был снят запрет на посещение белорусского участка — стартовали быстро. Разрешение на посещение зоны вступило в силу 23 февраля 2018 года, а 24 февраля уже принимали первую группу гостей.

Что со временем мог бы появиться совместный международный маршрут — пока загадывать никто не берётся. Хотя идея на поверхности и выгода очевидна. А пока радуется, что стали возможны и простые ознакомительные поездки. Которые из-за специфики и особенностей чистым туризмом тоже не назовёшь.

Открытие зоны отчуждения для посещений стало возможным благодаря ходу дел и времени. Территория изучена, опасные «фонящие» участки определены, у некоторых радиоактивных элементов, выпавших после аварии, прошёл распад. В итоге часть территории заповедника открыли даже для хозяйственной деятельности. На этих участках теперь понемногу рубят древесину (её покупают Ливан и Молдова), ведут охоту и рыболовство, заготавливают мёд, разводят лошадей. И поэтому «добро» и для туристических групп было лишь вопросом времени. В итоге в 2018 году в белорусской

части чернобыльской зоны отчуждения тоже появились туристы.

Простым туристам, в отличие от поспешивших сюда любителей охоты и рыбалки, оказались доступны и пути в

заповедную часть, где не велась и не будет вестись в будущем никакая хозяйственная деятельность. Там всё окажется оставленным так, как было. Там время и природа сами продолжают зарубцовывать раны случившейся техногенной катастрофы.

Высокий спрос на эти маршруты не исчез даже сейчас, во времена второй волны пандемии, когда путешествовать снова непросто, и даже признанные вояжеры так неохотно решаются на подъём. А на поездки в зону запись продолжается. Новое привлекает. Путешествие в радиационный заповедник на деле является абсолютно новым, к тому же весьма диковинным маршрутом. Тем более для знакомства с этим новым нашим землякам не надо мчаться на край света — всё находится под боком. Отпали и многие прежние фобии. Когда-то радиации боялись. И любили щеголять фотографиями со счётчиками радиационных измерений. Сейчас такие селфи — в прошлом. Страхи ушли, к тому же путешественники понимают, что для маршрутов выбраны наиболее проверенные тропы. Да и путешествие ограничено по времени, поэтому даже кратковременные выходы на точки с повышенным фоном не представляют опасности — во время авиаперелёта или флюорографии мы «облучаемся» гораздо сильнее. Путешествовать здесь можно, это постоянно проживать на такой территории тут ещё долго никому не позволят.

Нас встречали и сопровождали по территории люди, которые работают здесь постоянно — вахтовым методом. Разумеется, не один десяток лет. И дело своё они знают. Удивило, что в разговоре тут даже обычные работники уверенно оперируют цифрами всевозможных рентгенов и зивертов. И каждый из них оснащён персональным дозиметром. За их

показаниями здесь по-прежнему следят строго.

Наш путь в зону начинался у контрольно-пропускного пункта, что на самой околице бывшей деревни Бабчин. Ещё при подъезде за ограждением можно было разглядеть её пустующие, обезлюдившие дома — оказывается, улица заброшенных изб так близко соседствует с нашим обычным миром. Я понял, что эти дома мог прежде видеть и по пути в Украину, когда направлялся дорогой к пункту пропуска «Комарин». Ездил не раз и не думал, что следы беды находятся так близко.

В 1986 году в Бабчине насчитывалось 728 жителей. Всех эвакуировали. Их дома который год ветшают и зарастают кустарником. Справа от въезда — чёрный камень с названием деревни, количеством жителей и годом эвакуации. Тут же и необходимый современный атрибут — табло-измеритель мощности дозы. Мы сюда приехали утром в первый день зимы. На табло светилась цифра 0,48 мкЗв/ч (микроЗиверт в час). Нормальная цифра — до 0,2 мкЗв/ч.

Сразу за въездными воротами — музей заповедника. Здесь можно узнать про события ликвидации аварии, про заражённые территории и их сегодняшнее состояние. А на пункте дежурного позволят видеть в прямом эфире «пульс» заповедника в реальном времени — установленные по всей его территории камеры с вышек выдают эту «картинку». Они оборудованы аккумуляторами на солнечных батареях и обладают способностью поворачиваться на 360 градусов — «простреливают» практически все пути и дороги. И дают понять, что времена нелегальных походов в зону теперь позади, путь сюда может быть только официальный, и туризм как раз ему будет в помощь.

После Бабчина нас ждало ещё одно «строгое» КПП, открывающее путь непосредственно в 30-километровую зону отчуждения. Те земли охраняются ещё более тщательно: весь периметр обнесён колючей проволокой, оборудован видеокамерами, да и патрули курсируют. Жители оттуда ушли. И если не навсегда, то на столетия наверняка. Однако жизнь всё же не покинула и те обезлюдившие места. Флора и фауна даже под градом

радиоактивного заражения оказались способными выстоять, год от года предоставляя учёным новую пищу для размышлений, а обычным людям — повод для надежды и оптимизма. Главное, заражённая зона не превратилась в пустыню. Жёстко пострадавшая природа пробует бороться с обстоятельствами прошлого, старается восстанавливаться для будущего. Территория, откуда ушли люди, в итоге стала спасительным пристанищем для животных, в том числе редких и исчезающих видов. Тут насчитывается и более тысячи видов растений, 18 из которых занесены в Красную книгу. Прижилось и 13 абсолютно новых, что прежде не росли в здешних широтах.

Некоторые зверьки приноровились обитать в брошенных зданиях, и при осторожном подходе можно рассчитывать на удачную фотоохоту — такая больше нигде не получится. Нам в этот день повезло любоваться стадом зубров, вышедших к месту подкормки.

Ради истины признаюсь, что корм им посулили преднамеренно. В отличие от Беловежского заповедника, здесь исполинов чаще не подкармливают, они заботятся о своём пропитании сами. И, несмотря на подобную самостоятельность, выглядят упитанными и их стадо перевалило уже за 130 особей. Встречается на запретной территории и абсолютно новый вид животных — с Украины сюда перебрались дикие лошади Пржевальского. Число коников с «белорусской пропиской» уже дошло до полусотни. А из российских лесов пожаловали пятеро медведей, правда все они «мужского пола», поэтому перспективы и продолжительность «командировки» косолапых в чернобыльские леса пока остаются туманными. Привыкли здесь видеть и белохвостого орлана. Эту мощную великолепную птицу с размахом крыла под два метра — самую крупную, что водится у нас, — можно встретить довольно близко, от людей она, похоже, совсем отвыкла. Специалисты признают, что уже на многих здешних участках природа возвращается в своё девственное состояние, всё начинает выглядеть как сто-двести лет назад, до всяких операций по индустриализации и мелиорации. Флора и фауна в зоне

отчуждения стали действительно уникальными, они живут сами по себе, без воздействия человека. Лишь пиканье счётчика Гейгера в заповедной тиши выдаёт, что человек в своё время тут присутствовал и последствия его вмешательства теперь доводится мучительно исправлять.

Как правило, отправляясь сюда, большинство людей уже подготовлены и чётко знают, что хотят здесь увидеть — как в реальности выглядят последствия крупнейшей техногенной катастрофы. Кому-то интересны виды и то, как жили люди 30 лет назад. Иные чувствуют себя сталкерами. Третьи мечтают погрузиться в обстановку сродни суровой компьютерной игре.

Мы посетили деревню Дроньки, которая упоминалась ещё с XVIII века. В 1986 году здесь проживало 232 человека (92 семьи). Сей час тут, разумеется, пусто. Сиротливо застыли колодцы-журавли. В деревне много старинных расписных домиков с четырёхскатными крышами и резными наличниками на окнах. Нам советуют заглянуть в бывшую начальную школу. Она как раз недалеко от дороги, место, как говорится, атмосферное. На партах остались школьные портфельчики. Валяются наглядные пособия и обрывки учебников советских времён. Именно за такими партами многие из нас и начинали свой поход за знаниями. Только мы успели тогда завершить учебный год, а дроньковские детишки в 1986-м выпускного звонка не дождались.

Дальше — деревня Погонное, очень большой населённый пункт, центр колхоза «Победа социализма». Школа там была выстроена по весьма оригинальному проекту. Там были огромные классы и вестибюли. Но сейчас здание почти совсем не видно с дороги, хотя до крыльца каких-то пятков метров будет — так оно заросло деревьями и кустарником. Не подскажи нам сопровождающие, то и не заметили бы.

До аварии тут проживало 1053 человека — 421 семья. В 1986 году всех переселили в Жлобинский район. Предполагали, что на время, а оказалось — навсегда. То, что погончане тогда не верили в такой печальный исход, видно по домам. Хозяева оставляли домашнюю утварь, мототехнику. Кое-где даже расписные занавески на окнах по сей день уцелели, а на подоконниках — ящики для рассады.

На бывшем мехдворе валяется много узлов от тракторов и комбайнов. Если поднести к ним счётчик — его цифры резко «фонят». Возможно, поэтому и не уволокли комбайны на металлолом, здесь ржаветь оставили. Ещё на улицах немало разукomплектованных мотоциклов. Похоже, они тогда были основной личной техникой у сельчан.

Возле Дома культуры — памятник погибшим в годы войны. Выглядит хорошо. То ли так сохранился, то ли досматривают за ним и в это время.

А дальше отсюда ведёт старая, мощённая булыжником дорога. Прежде она могла до самого Киева довести. До войны именно туда и доводила. Но потом партизаны разрушили мост через Припять. А теперь под рекой пролегла государственная граница, да и ездить отсюда уже просто некому.

И тем, кто здесь всего лишь в гостях, лучше будет направиться к противопожарной вышке, что на холме у деревни Красноселье. Разумеется, деревня та тоже уже абсолютно бывшая. Хотя до аварии там почти сотня семей проживала. С того холма, если позволит погода, можно увидеть и саму бывшую атомную станцию на украинской стороне.

В целом доступная территория составляет 2100 квадратных километров. Где расположено 90 отселённых деревень. На сегодня разрешается посещать 15 из них.

Есть и захороненные деревни — их названия в общем списке обведены чёрной рамкой.

Сейчас для посетителей в Полесском радиационном заповеднике предлагается три маршрута на выбор. Все разработаны строго по науке, с учётом рекомендаций медиков и специалистов. К примеру, доза облучения, полученная на первом маршруте, равна той, которую пассажир получает за двадцать минут полёта на реактивном авиалайнере. Многих это успокаивает. Хотя встречали тут иностранцев, кто волок с собой горы профессионального оборудования для контроля. Можно приезжать и с ней, только подобную аппаратуру придётся декларировать на границе.

Теперь о том, что отличает нашу территорию от украинской. У нас нет таких

точек, как город Припять, с его парком мёртвых аттракционов. На той стороне и сама ЧАЭС, а также бывший военный городок с впечатляющей размерами радиолокационной антенной. У нас заброшенные и похороненные деревни, музей и уникальный заповедник. Но у нас дают шанс оказаться одним на большой и абсолютно безлюдной территории. Что сегодня почти нигде больше невозможно. В той же Украине за день в зону приезжает не меньше десятка автобусов. Там порой туристы в очередь встают, чтобы сделать нормальное фото. И строже следят, чтобы приезжающие не лазили по зданиям. А у нас ходить в «за-брошки» позволяют. И даже дроны для съёмки разрешают использовать. А вот на украинской стороне — нет..

Признаюсь напоследок, что весьма сложно подводить какой-то итог после своего путешествия в зону отчуждения. Ни в одной другой командировке таких трудностей не возникало. Но тут — особая дорога. Поэтому не сочтите текст за бодрый отчёт. И за рекламный призыв тем более. И какой бы участок зоны мы ни расписывали — белорусский или украинский, беда ведь случилась общая. Поэтому слишком много противоречивых чувств и мыслей вызывает подобный тур, всё увиденное там и знакомство с работающими в зоне отчуждения людьми. Но они помогают каждому составить своё мнение о той аварии и царившей в те времена эпохе.